

**Ильяс
ДАУДИ**

г. Москва

Ильяс Дауди (Дауди Ильяс Дильшатович) — член Союза писателей России, солдат Афганской войны (1979-1989), Герой Российской Федерации.

Публицист, эссеист, прозаик, колумнист журнала «Армейский сборник» Министерства обороны РФ.

Автор произведений и публикаций об Афганской войне (1979—1989):

Лауреат 11-го «Всероссийского литературного конкурса Центрального Дома Российской Армии им. М.В. Фрунзе Министерства обороны РФ» 2017 года в номинации «Проза и драматургия» за «Эссе раненного солдата» из сборника «Записки войскового разведчика».

— Дипломант «Премии Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства» (2021) в номинации «Литературное творчество и издательское дело».

ОПЕРАЦИЯ «ЗАПАДНЯ»

(отрывок из военной повести НЕ ПАРАДНЫМ КОРИДОРОМ)

Западный Афганистан. Конец августа 1986 года

Миновал третий день тяжёлых боёв. Ночью разведчики чистили оружие, отводя на сон редкие часы. А мятежники перегруппировывали силы, доставляли на свои огневые позиции боеприпасы и, обходя высоты, где закрепились советские войска, минировали отходные тропы. Они понимали, что это жизненно важная операция. По ним шли реверсная перевалка боеприпасов и воды на передний край и эвакуация погибших и раненых в тыл. Вместе с тем сами боеприпасы были уже на исходе, боекомплекты снаряжены последними патронами из цинков. Вода закончилась накануне. Прицельный огонь мятежников по вертолётам Ми-8МТ как по приоритетной цели не позволял им сбросить на передний край боеприпасы и воду, эвакуировать раненых. Посему эвакуация происходила в глубине от передовых позиций — на тыловых высотах. Это отвлекало резервы и снижало темп наступления. Когда одному Ми-8МТ всё же удалось с рассветом сбросить груз на тыловую высоту, командир роты Середа вызвал к себе Руста и приказал:

— Тукаев! Надо назначить из взвода четырёх бойцов, чтобы они отошли на тыловые высоты и транспортировали боеприпасы и воду на занимаемые позиции.

— Товарищ капитан! — объяснял Руст Середе. — Вы же знаете, у меня в данный момент во взводе подавляющие числом молодые, необстрелянные. Они не прослужили «за речкой» и месяца. Разрешите собрать эту группу не из молодых, добрав из других взводов, и повести мне самому?!

— Ты мне нужен здесь! — отказал Середа.

— Три дня назад, если помните, — настаивал Руст, — следуя впереди разведывательного дозора, я вывёл роту на высоту и хорошо запомнил все тропы. Я уверен, это их знание сохранит жизни. Разрешите мне повести группу?!

— Хорошо! — под напором согласился Середа.

Руст взял с собой Сидора, Костра, Мамаладзе и Солодуху. Спустя несколько часов, преодолев длительное расстояние до места, они с боеприпасами и тюками с водой спускались с противоположного склона к подолу. Первым в группе шёл Руст. Он следовал строго по сакме, никуда не отступая. В какой-то момент под его ногами прозвучал характерный щелчок. «Мина! — понял он. Его охватил ужас: — Неужели?! Не может быть! Как это могло со мной произойти?!»

В мгновение от щелчка и до разрыва Руст

прогнал в голове главные для него мысли: о том, на какие тяжкие муки он обрёл своих родителей тем, что, не сказав им, напросился в Афганистан и получил там такое страшное увечье. Другой сумной мыслью было то, что увечье, не позволит ему вернуться на ринг и побороться за место на пьедестале первенства СССР по боксу и что ему уже никогда не овладеть сердцем девушки, с которой бы он, непременно, хотел связать свою судьбу. Последним, что заполнило мгновение, была надежда: «Может, всё-таки нет?! Может, это не мина?!» Но мысль прервали громкий разрыв и тяжёлый удар по ногам, обративший Руста во вращение. Он кубарем покатился вниз, в панике ожидая, что следующим кувырком навалится на другую мину, которая уже разорвёт его в клочья, но не мог остановиться.

Неимоверным сопротивлением, на очередном витке Руст упёрся ладонями в горную осыпь, прекратив спуск по склону. Его сильно шатало, в ушах висел протяжный звон, глаза застилала густая пелена. Он повалился на бок и увидел, как из рваных окровавленных мягких тканей его голени торчали белые кости, из них капала светлая жидкость. Группа оцепенела.

— Не подходите! — были первые слова Руста рванувшимся к нему Сидору и Костру. — Здесь, вид-но, всё заминировано!

Он помотал опалённой пороховой гарью головой и попластунски подполз к отброшенному взрывной волной своему АКС-74. Резко потянув за ремень и сняв с предохранителя, он направил его на себя. Сидор вмиг разгадал его умысел и, сделав рывок, с силой вырвал оружие.

— Верни автомат! — требовал Руст. — Я всё равно уже не жилец! Пока меня дотащат до вертушки, другие подорвутся! Подошедший Костёр, молча вколол Русту двойной промедол и, располовинив ножом отмотанный с приклада АКС-74 багровый резиновый жгут, затянул на обрубках его голени, истово написав на нём текущее время.

Через пять минут Руст потерял сознание, его погрузили на плащ-палатку и переправили на тыловую высоту. Туда, где без последствий мог приземлиться вертолёт. А Сидор, Костёр и другие разведчики возвратились на позиции роты.

— «23 августа 1942 года стал самым кровопролитным днём Сталинградской битвы!» — процитировал Костру фразу лейтенанта Шило удручённый увечьем Руста Сидор. — Поруха!

Между тем транспортируемый в плащ-палатке Руст спорадично приходил в сознание и видел над собой лица потрясённых обширностью его ранения воинов из других рот. Вдругорядь он очнулся, услышав стрекот приближавшихся вертолётов Ми-8МТ. Он приподнялся, упёрся на ладони и увидел в тени нависавшей горной стены длинную цепочку плащ-палаток с ожидавшими эвакуации ранеными и убитыми. Спустя минуты его лицо укальвала мелкая сыпуха, движимая потоком воздуха вращавшихся лопастей. Сквозь их звон он слышал приказ офицера: «На первые вертушки грузим тяжёлых. За ними лёгких. 200-х в конце». Тем временем в зоне противостояния завершалось подавление авиацией последних очагов сопротивления, и в кратчайшее время с различных направлений началось наступление на базу Кокари-Шаршари. Первой выступила разведрота. В её разведывательном дозоре шли Сидор, за ним Костёр и другие. От них, на расстоянии 30 метров шла основная группа. Изневьсь по дозору была выпущена очередь из крупнокалиберного пулемёта ДШК. Двое разведчиков погибли на месте. Остальные залегли. Огонь мятежников не давал воинам поднять головы, продвижение вперёд было невозможно. Надо было открыть роте путь. Сидор, резко сошёл с тропы вниз, в волнении напевая под нос:

Ой, не видала она, как я в церкви стоял,

Прислонившись к стене, безутешно рыдал.

Ой, прислонившись к стене, безутешно рыдал.

Звуки вальса неслись, веселился весь зал.

Он обошёл огневую точку с тыла, приблизившись к ней на расстояние, с которого можно было добросить гранату. Лёг набок, выдернул чеку гранаты РГД-5 и, слегка приподнявшись, с силой бросил. В это мгновение его пронзила пуля вражеского

автоматчика. Она вошла под левую клю- чицу и, вылетев через лопатку, парализовала шуйцу. Огонь по разведчикам не прекращался.

Сидор стиснул от боли зубы и, вытащив вторую гранату, насили пропел:
Ой, не понравился ей. моей жизни — конец...
И с постылым назло мне пошла под венец.

Он выдернул зубами чеку и, собрав последние силы, повторил бросок.

Пулемёт умолк. Сидора пе- ревязали и вкололи промедол. Жизненно важных органов пуля не задела. Двух погибших разведчи- ков с головой накрыли плащ- палаткой и положи- ли в укрытие. Там же остались Сидор и несколько воинов, обязанных погрузить раненого и погиб- ших в ожидаемый вертолёт. Разведрота тем време- нем продолжила наступление. Мятажники уступили инициативу и начали беспорядочно отступать. Через три часа базовый район Кокари-Шаршари был взят. Формирование Исмаил-хана разбито. Сам мятежный эмир и когорта близких сподвиж- ников скрылись в Иране.

Советские воины собрали трофейное оружие, взорвали боеприпасы и убили вертолётами на аэродром Герата.

Аэродром Герат. Западный Афганистан

Вскоре на взлётно-посадочную полосу аэродрома, один за другим, приземлялись вертолёты Ми-8МТ, возвращавшие из района операции боевые роты. Тем, кому повезло — кто не погиб и не был ранен, — предстояло возвращение бортами Ан-12 в пункт постоянной дислокации в провинцию Кундуз. Разведчики расположились вскрай командно-диспетчерского пункта на пятач- ке, где провели ночь перед десантированием. Они с тугой вспоминали напряжённые дни операции и выбывших боевых товарищей.

Повидавшись с ранеными Рустом и Сидором по прибытию в Герат Костру не удалось, и мысль о том, что встреча с ними в Афганистане уже не сулила, зело бередила. Желая отстраниться от мирской суеты, он раскинулся в сторонке на плащ-палатке, положил за спину свой, Руста и Сидора рюкзаки, достал транзистор SANYO и, настроив на рабочую волну, впал в раздумье. Костра удручало, что из дружной шестёрки товарищей в строю остался лишь он один. Перед глазами, друг за другом, представляли пятеро друзей — Руст, Сидор, Костян, Монгол и Стрела. Костёр вспомнил их между собой потасовку в поез- де на пути в Сурхандарью, послужившую знаком- ству, и как всех по прибытию в воинскую часть ото- брали в учебную разведывательную роту; три тяжёлых месяца в учебке и совместное участие в череде операций Афганской войны.

Вспомнились Костру драматические события прошлого дня — рассказ Руста о безногом деде Ахмадулле, его поутру подрыв на mine, прошитый пулей Сидор и переданная им в горах Кишима спасительная фляжка воды. Из непрерывного потока воспоминаний Костра вернула неожиданно начавшая звучать хорошо запомнившаяся песня авторов Стаса Намина и Игоря Шаферана «Мы желаем счастья вам»:

...Чтобы было легче в трудный час, Нужно верить каждому из нас, Нужно верить каждому,

В то, что счастье есть...

Госпиталь Шинданда.

После пяти часов, понадобившихся для эвакуа- ции, Руст вновь пришёл в сознание. Ми-8МТ, в ко- тором он находился, приземлился на аэродром Шинданда. На взлётно-посадочной полосе ожида- ла «буханка» медицинского УАЗ-452 с бригадой санитаров. Как только винты прекратили враще- ние, они немедленно подступили с носилками к борту.

— Живых там вроде никого нет, — высказал до- мёк, вышедший из кабины пилот.

Руст лежал среди плащ-палаток с убитыми аф- ганскими военными, не подавая признаков жизни.

— Хотя нет! Один, вижу, шевелится, — опро- верг он мнение, увидев, как Руст

внезапно повер- нулся набок.

Санитары запрыгнули на борт и извлекли из сложенных в ряд плащ-палаток Руста первым. Уже вскоре его спешно везли на каталке по длинному коридору шиндандского госпиталя, и он ощущал боль от глубокого остригания ногтей на руках и вставления в причинное место катетера. Руст был в трансе. Но, несмотря на его критическое состоя- ние, бежавшая рядом медсестра громко досаждала вопросами: «Фамилия, имя, отчество, звание, во- инская часть?!» Спустя минуты он увидел белые кафельные стены операционной и ослепился от ярко светившей сверху лампы операционного све- тильника. Укол врача-анестезиолога на мгновение представил Русту лик его безногого деда Ахмадул- лы и вновь обратил в бессознательное состояние.

Между тем доставленному в госпиталь Шинданда Сидору обработали рану и поместили в палату, в которой к тому времени уже проходили лечение трое бойцов-разведчиков с ампутациями коленей после подрывов на противопехотных минах в день высадки. Одного из них, у которого был разрыв паха, прошлым днём отправили срочным бортом в Союз. В Ленинграде в Высшей военно-медицин- ской академии им. С.М. Кирова ему сделали слож- нейшую операцию и смогли сохранить детородный орган. У другого из двух оставшихся в Шинданде разведчиков в довесок к потерянной голени был вырван глаз. Всем троим за два дня до своего ране- ния Руст оказывал первую медицинскую помощь, вытащив из-под обстрела. Через несколько суток из реанимации в эту палату перевели и самого Ру- ста. Его состояние было тяжёлым. Врачи ампути- ровали ему обе голени.

Прошла неделя.

Утром одного из дней на аэродром Шинданда приземлился медицинский борт-спасатель Ан-12. Чтобы проводить на дальнейшее лечение в ка- бульский армейский госпиталь лежавших на но- силках Руста, Сидора, двух разведчиков и других раненных в операции «Западня», врачи и медсё- стры высыпали из госпитального модуля во двор.

— А тебе, боец, надо запомнить главное! — напут- ствовал Руста подошедший вплотную опериро- вавший его начальник хирургического отделения шиндандского госпиталя подполковник медицин- ской службы Баглай. — Ранение твоё житейское, но всю дальнейшую жизнь ты обязан заниматься физ- культурой, иначе раны скоро дадут о себе знать.

— Буду заниматься, товарищ подполковник! — твёрдо посулил Руст, поблагодарив на проща- ние: — Спасибо за ваш почётный труд!

Самолёт с ранеными взмыл в небо и спустя пару часов приземлился в Кабуле.

Кабульский госпиталь.

Мне б вернуться на войну...
из-под капельниц — под пули.
Может, я тогда пойму,
проживаю жизнь свою ли?!.
Там все просто: грязь и маг —
текст, в котором нет подтекста.
Каждый первый там — солдат,
а гражданским нету места...
В. Байкалов

Кабул. 650-й центральный военный клинический госпиталь 40-й армии — 1 сентября 1986 года.

В приёмный покой госпиталя на холодный бе- тонный пол, с редко сохранившейся плиткой, сло- жили десяток брезентовых носилок с лежащими ранеными, прибывшими санитарным авиабортм из Шинданда, среди которых были Сидор и Руст.

— Как мешки с картошкой разгрузили, — него- довал Сидор, привстав с носилок и поправив на груди перевязку.

— Работы кубыть и без нас хватает, — домекнул Руст.

Спустя какое-то время появились санитары.

— Э, адепты эскулапа, прислужники змеи на чаше! — агрился Сидор. — А гуманнее отнестись к хомо сапиенсу заказано?!

Наскоре к раненым подошёл дежурный врач, и Сидор, поменявшись в тоне,

попросил поместить их с Рустом на соседних койках, подвигая готовностью помогать медсестрам в уходе за товарищем. После завершения оформления документов и внешнего осмотра поступивших раненых безотложно распределили по палатам отделений. Ввиду переполненности госпиталя и чрезмерной загрузки медсестёр упрямый Сидор впрямую был удовлетворён. В итоге каждый новоприбывший комбатант обрёл своё койкоместо, госпитальную робу и новых побратимов. Внушительных размеров кабульский госпиталь в 1980 году разместился в здании бывших конюшен офицерской гвардии короля Мохаммада Захир-шаха. Палаты отделений имели высоченные потолки и были заставлены одно и двухъярусными железными койками. Широкий коридор был оживлённой артерией, соединявшей отделения госпиталя с операционной, перевязочной и столовой. Первый ярус коек традиционно был закреплён за тяжелоранеными: ампутантами, незрячими, полосниками — ранеными в брюшную полость, а также в область позвоночника и головы. Были ранения с ампутациями обеих нижних конечностей, руки и ноги, двух рук и полным лишением зрения. Много было раненых с раздроблением костей. На их конечностях устанавливали аппараты Илизарова — конструкции из стальных дисков и спиц, стягивавших два конца разбитой костной ткани. Встречались такие, у кого было два таких аппарата на разных конечностях. Много всего было... Свободные койкоместа в палатах были редкостью. Они появлялись после эвакуации раненых в Ташкент и, по обыкновению, в тот же день обретали нового пользователя. В случае нарушения графика эвакуации в Союз и внезапного большого притока раненых из района новых масштабных боевых действий койки с ранеными выставлялись в коридор. Сидор и Руст заняли соседние койки в глубине солдатской палаты 2-го травматологического отделения, там, где она стыковалась с меньшей по размеру офицерской. В первую ночь из неё доносились громкие стенания, спорадично переходившие на истошный галас.

— Сидор! — дремло окликнул Руст. — Надо бы объяснить камраду: всем больно. Но надо потерпеть. Пусть возьмёт себя в руки!

Сидор спорко справился у молоденькой дежурной медсестры Нины Полюшкевич о терзавшемся болью раненом и тотчас поделился с Рустом:

— Сестра говорит, это молодой лейтенант из Кандагара. Он подорвался с танком на фугасе и приземлился на пятую точку. У него тазовая кость разошлась в стороны.

— Адская боль, подлинно! — эмпативно съёл Руст, смирившись с гвалтом. — Что ж сестра не уколет его, чем покрепче?!

— Всё пробовали. Говорит, ничего не берёт, — объяснил Сидор.

К рассвету лейтенант-танкист утихомирился, умер. Его накрытое с головой тело из офицерской палаты на каталке выкатили санитары. После снелания друзьями принесённых Сидором блюд завтрака начался обход врачей. В другом конце палаты было видно, как по проходу перемещались, ненадолго останавливаясь у каждой койки, шесть военврачей в белых халатах и шапочках. Старшим среди них был начальник 2-го травматологического отделения полковник А. Артемьев. И вот они достигли месторасположения коек Сидора и Руста. Статный, с голубыми глазами майор медицинской службы Александр Теплов начал зачитывать историю болезни:

— Рядовой Сидоренко — сквозное ранение грудной клетки. Прибыл из Шинданда. Обрабатываем рану, делаем перевязки.

Растегните робу, покажите рану! — обратился майор Теплов, Сидор подчинился. — Идёт на поправку. На следующей неделе планируем эвакуировать в Ташкент.

Засим врачи сместились к лежавшему сбочь Русту.

— Старший сержант Тукаев, — начал зачитывать историю болезни майор Теплов, — в ходе боевых действий в провинции Герат подорвался на противопехотной мине. В госпитале Шинданда проведены ампутации нижних третей обеих голеней. Имеется также многооскольчатый разрыв мягких тканей обеих бёдер. Необходима дермапластика. — После этих слов майор Теплов, желая показать ранение, откинул с ног Руста простыню, оголив перебинтованные культы, и скомандовал: — Лягте на живот!

Вскипевший от амикошонства Руст резким движением накинул простыню обратно и зычно произнёс:

— Товарищ майор! Я вам не телячья вырезка на базаре!

Теплов был обескуражен и переглянулся с полковником Артемьевым.

— Товарищ боец! — уставно отреагировал полковник Артемьев. — Не забывайте! Вы ещё не комиссованы, а значит, находитесь в военном строю. Так что соблюдайте уставные отношения со старшими по званию!

Опустив инцидент, майор Теплов навёл на оконный свет рентгеновские снимки

культей Ру-ста и, показав их полковнику Артемьеву, кратко доложил о выбранных оперативных и лечебных мероприятиях.

— Товарищ майор, разрешите обратиться к то-варищу полковнику?! — адресовал Сидор удаляв-шимся в офицерскую палату Теплому и Артемье-ву. — Разрешите мне вернуться в свою часть!

— Сколько вам осталось служить, солдат?! — спросил Артемьев.

— Месяц! — ответил Сидор.

— Надо ещё подлечиться! — резюмировал Ар-темьев. — Ташкентский окружной военный го-спиталь ТуркВО в вашем случае это то что надо!

— Тогда разрешите в Союз вапти с Тукаевым, одной отправкой?! Я его до дома сопровожу, — фундировал Сидор.

Артемьев повернулся к Теплому и приказно кивнул головой.

Несмотря на инцидент в ходе обхода, атмо-сфера в палате была исключительно доброже-лательной. Здесь проходили лечение воины из разных подразделений 40-й армии: из Кунду-за, Файзабада, Баграма, Кабула, Герата, Газни, Шинданда, Кандагара, Джелалабада, Гардеза, Асадабада и других мест. В дальнем углу палаты, напротив коек Руста и Сидора, в верхней части стены работал цветной телевизор «Рубин». Та-кой роскоши в кундузской палатке у друзей не имелось. На экране друзья наблюдали страну, дуже разнившуюся от той, которую они покину-ли, направившись в Афганистан. После обхода врачей началось время перевязок — физиче-ски болезненное. Из перевязочной слышалась зычная матерная брань раненых. И для Руста обработка обширных участков открытых ран и швов ампутированных голени была зело кру-толомной. Чтобы приглушить издаваемый им гвалт, он брал с собой в перевязочную на катал-ке подушку. Когда становилось вдокон больно, Руст плотно забивал ею себе рот, превращая гор-лан в гулкий стон.

— Сейчас, братец Тукаев, придётся потер-петь, — предупредил майор Теплов и, обильно полив пропитанные высохшей кровью марлевые перевязки на швах культей и разорванных мяг-ких тканях раствором фурацилина, стал наскоро сдирать.

Руст начал издавать гулкие вопли. Лоб его по-крылся холодным потом.

— Ты не сердись на меня, — примирялся Те-плов, — показывать рану на обходе — это святая обязанность больного.

После обработки ран он приступил к перевя-зыванию.

— Медсестра Полюшкевич докладывала, что ты студент, в Москве учишься? — уточнял Теплов.

— Так точно! Учусь в Москве! — подтвердил Руст. — В Московском институте нефти и газа. И вы, я слышал из Москвы? — поинтересовался Руст.

— Так точно! Служу в Главном военном клини-ческом госпитале Бурденко. В Афганистан коман-дирован на два года, — поделился Теплов, вернувшись к теме лечения. — Как я и докладывал на обходе начальнику отделения полковнику Арте-мьеву, тебе необходима дермопластика — несколь-ко операций по пересадке кожи. Мы снимем элек-трическим дерматомом у тебя со спины, других мест тела лоскуты кожи и наложим на лишённые кожного покрова участки. Затем будем ждать, пока они приживутся. Так что, братец, нужно бу-дет набраться терпения, — резюмировал Теплов

Когда с перевязкой закончили, Руст попросил Сидора не увозить его каталку обратно в палату, а оставить у перевязочной в коридоре, чтобы он мог побеседовать с ранеными, ожидавшими оче-реди сменить марлевые шарики на спицах аппа-ратов Илизарова. Током времени к перевязочной подошли сопровождавший поводырём наголо стриженный грацильный санитар и сбойливый боец с ампутированными выше локтей руками и бинокулярной повязкой на оба глаза. Его лицо, с многооскольчатым посечением, было измазано зелёнкой.

— Слышь, братан! — обратился он к санитару, заходя в перевязочную. — Повязку с глаз когда уже снимут?!

Но ответ на вопрос остался за дверью. Оставив раненого, санитар вышел на поджид.

— Что за напасть?! — сумно спросил Сидор са-нитара.

— Это сапёр из Чарикара. Ночью прибыл. Был придан разведчикам, прочёсывавшим кишлак в районе Суруби, и проводил разминирование тропы. Так вот, мина рванула у него в руках.

— Несгода! — досадовал Сидор. — А с зенка-ми что?!

— Нет у него глаз — зашито всё! — довёл сани-тар. — Не знает он ещё, а сказать ему никто не ре-шается.

В палату Сидор и Руст вернулись с кручиной. Миновал день, наступила ночь. Неотступавшая фантомная боль ампутированных ног, стоны ле-жавших окрест раненых и рассказ санитаря об ос-лешшем сапёре бередили Руста, не давая заснуть. Он поднял с подушки голову и увидел во тьме по-луночной госпитальной палаты цепочку светив-ших огоньков сигарет. В угрюмом молчанье, устремив взор в бездонный потолок, такие же, как он, искалеченные войной молодые парни от-решённо искали ответ на мучивший их вопрос: как же теперь жить?! Каждым оголённым нервом он чувствовал гнетущую ауру, нависшую куполом над теми, кто остался наедине со своей бедой, утраченной верой и смыслом начать жить иначе. Русту, как и его деду Ахмадулле, молохом войны было суждено стать изувеченным, пройти череду операций в госпиталях и морально преодолеть физический недуг. Его это зело удручало. На не-которое время Руст забывался, но мысль о причи-нённой родителям боли при виде сына калеки всё время возвращалась, терзая его совесть. Он подолгу думал, подбирая слова утешения, ко торые скажет им при первой встрече. Ведь мама Руста сама была дочерью безногого ветерана Ве-ликой Отечественной войны и не понаслышке знала о булгачившей довеку боли родных.

Руст вспоминал, как в 1970-е годы он гостил у деда Ахмадуллы и бабушки Каримы в городе Туймазы Башкирской АССР. Невзирая на дальность рубежей, достигнутых фашистскими диви-зиями, многое на улице Чапаева даже спустя 25 лет после Великой Победы напоминало о её жертвах. Пред ним предстала типичная втагода картина на базарах и рынках советских городов: десятки инвалидов войны, лишившиеся двух ног, двигались на обитых юфтем сидушках с колёси-ками, приводимых в движение деревянными бру-сками с отверстиями для ухвата. Сродни тому и у ворот туймазинского базара, едва отступя от улицы Чапаева, с раннего утра сбивались до двад-цати таких ветеранов-инвалидов. Они ватажи-лись у папиросной лавки. Одни в поисках халтуры, другие — дармовой выпивки. Руст помнил, как на прикалитках частных домов по улице Чапаева краской по дереву в ряд в диаметре десять сантиметров были нанесены красные звёзды — по количеству членов семьи, воевавших на фрон-тах войны. Помнил и то, что звёзды, обведённые чёрной каймой, вешали о сгнувшем на поле брани воине. Как прискорбно было им, кагалу внуков победителей, зреть на соседнем с домом деда прикалитке пять звёзд из шести с чёрной каймой.

По рассказам деда Ахмадуллы, летом 1941 года в городе Туймазы формировался 9-й запасной ка-валерийский полк 112-й Башкирской кавалерий-ской дивизии, в его состав был зачислен и он. Маме Руста, старшей из детей, в день начала вой-ны не исполнилось и четырёх лет.

Руст помнил рассказы бабушки Каримы о том, как после ухода деда Ахмадуллы на фронт его мама, Райса Ахмадулловна, целыми днями, с утра до вечера, как молитву всечасно твердила фразу:

«Только бы отец вернулся домой живым! Пусть даже без руки или без ноги, но лишь бы вернулся живым!» По словам бабушки, это звучало так часто, что от этого даже болела голова. По её же мнению, возвращение деда Ахмадуллы с войны живым у Всевышнего вымолила именно она. В бою при прорыве из окружения на Брянском фронте в 1942 году дед Ахмадулла был тяжело ранен. Крупный осколок вражеского артиллерийского снаряда, разорвавшийся под его конём, глубоко вошёл в бедро, и на ногу началась ган-грена. Врачи были вынуждены ампутировать верхнюю треть бедра. В октябре 1942-го года, пройдя лечение в полевом, а затем в госпитале Бурденко, дед Ахмадулла был комиссован и отправлен домой. Учитывая огромное количество изувеченных воинов, с целью оградить от душевных страданий, связанных с отказом редких родственников принять их с тяжёлым недугом, в годы Великой Отечественной войны действовал особый порядок сопровождения инвалидов к их семьям.

Процедура проводилась посредством уполномоченного от Наркомата обороны СССР и офицера горвоенкомата (ГВК). Деда Ахмадуллу и упол-номоченного, прибывших на железнодорожный вокзал города Туймазы, на перроне встречал уведомлённый телефонограммой офицер ГВК. Он, взяв личные документы деда и оставив его ждать вместе с уполномоченным на вокзале, сам направился к его родным. Офицер ГВК рассказал им о полученном дедом Ахмадуллой увечье и выяснил готовность его принять. Не размышлявшая на сей счёт, бабушка Карима подписала соответствующий акт, после чего офицер возвратился на вокзал и вместе с сопровождающим привёл деда Ахмадуллу домой. В случае отказа семьи забрать инвалида по инструкции его направляли в Дом инвалидов. Их в годы Великой Отечественной войны в СССР было много. Невзирая на полученное тяжёлое увечье деда Ахмадуллу с огромной радостью встретила его семья — бабушка Карима и двое

детей. Другие семеро родились уже после 1943 года. Для родных и близких было главным, что дед остался жив.

Приближался к концу 1942 год — шла война.

Надо было прокормить семью. Вернувшихся ин-валидами было много, и привлечь их было не к чему. Найти работу ампутанту без ноги было особенно сложно. По подсказке прадеда Руста,

Мухаммат-Вагиза Мухамметшарипова, дед Ахмадулла, с детства обученный скорняжному делу, стал шить кожаные и меховые предметы одежды и обувь: дублёнки, шапки, унты, сапоги, ботинки. Он покупал на базаре и у частных поставщиков пушнину, меховое и кожаное сырьё и сутки на-пролёт шил, выделяя на сон редкие часы. Райса Ахмадулловна, как старшая из детей, помогала бабушке Кариме продавать эти изделия на базаре. Благодаря владению ремеслом и усердному труду дед Ахмадулла и бабушка Карима смогли поднять и выучить 9 детей.

Вспомнился Русту и разговор с отцом, когда он приехал к нему в учебку в Шерабад за неделю до отправки в Афганистан. Отец спросил его тогда, нет ли у него желания остаться служить в Со-юзе и не лететь в Афганистан и понимает ли он, что на войне есть угроза погибнуть либо вернуться, как его дед Ахмадулла, безногим или, как дед Мисбахетдин, полностью оглохшим. Среди этих и прочих вопросов и ответов, Руст помнил вопрос отца: подумал ли он о нём и матери, когда напрашивался в Афганистан? Как в ответ он убеждал отца, что не может остаться, когда все его друзья отправляются «за речку», что это было бы самым постыдным поступком, за который он корил себя всю жизнь. И как в конце отец предупредил его, чтобы он не пожалел потом о своём решении. Руст довеку помнил, что ответил тогда отцу: «Я не пожалею!»

Лежавший по соседству Сидор глядел в потолок и пролистывал в памяти свои детство и юность, проведённые в районе с характерным названием «Нахаловка» в Ростове-на-Дону. Он вспомнил измалство, когда в их дом пришло несгодье — его отца осудили на десять лет за причинение вреда здоровью, повлекшее неминуемую оскорбившего его человека. С походом по этапу отца, внедолге умерла мать. Сидора сразу забрали в ростовский интернат. Он погрузился в жёсткую беспризорную среду. Школой жизни ему стала улица с её суровыми законами и вадившая молодняк воровская среда. Спустя долгие годы, отбыв тюремный срок, из заключения вернулся отец — Михаил Сергеевич.

Первым делом, он забрал Сидора из интерната, а через месяц привёл в дом молодую жену. Напряжённость без того сложных отношений с сыном возросла. Сидор часто не ночевал дома, отсутствовал в школе, состоял на учёте в детской комнате райотдела милиции. При этом он был книгочеем, интересовался историей, знал и вел огромное количество разножанровых песен. К лету 1981 года Сидор окончил восьмилетку и сдал экзамены. Вечером одного дня в их квартиру позвонил местный участковый капитан милиции Юрий Угрюмов. Некоторое время назад его семья попала в неприятную историю. В ночи на их дочь, возвращавшуюся из гостей, напали трое подпивших хулиганов. По горячим следам Угрюмов наскоро установил личности напавших и вступившегося за девушку 15-летнего Сидора, сына варнака Михаила Сидоренко. Конфликт четы Сидоренко с фемидой воздержал тогда Угрюмова от выражения слов благодарности. Однако повод для разговора вскоре всё же возник. Участковый представился и вошёл. В коридор из разных комнат вышли Сидор и отец. Мачеха, Ольга Никитична, хлопотала на кухне.

— Здравствуй, Михаил Сергеевич! — поприветствовал Угрюмов, предупредив с порога. — Я не по твою душу! Мне известно, что ты надлежаще отмечаешься в райотделе и на работе к тебе нет нареканий. Так что всё в порядке! Мне надобно погуарить с меньшакем. Давай мы сядем с ним на кухне?

Отец заколотился, но взбоду скрыл и вопросов участковому не задал. Он согласительно кивнул и указал рукой на кухню. Сидор прошёл вослед Угрюмову и сел напротив.

— Чай заварить? — спросила Ольга Никитична.

— Нет, спасибо! Мы недолго! — ответил Угрюмов в ожидании, когда женщина покинет кухню.

Поняв это, она выключила плиту и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

— Итак! — начал Угрюмов. — У меня мало времени, давай враз к делу. Я знаю: ночесь ты с корешами-мазуриками сработал на огонёк в хате гагары1 Ривки Сойфер, завмага Центрального дома тканей. Теперь слушай меня сюда: послежде, как Гагара — одинокая состоятельная женщина. сдашь всё до последней алтушки, — участковый отвёл указательным пальцем рукав форменной рубашки и посмотрел на время своих

«командирских» часов, — в три утра у разваленной церкви, порато валишь из города с концами. Аже не, — даю тебе зуб батушного мента — сандалянёшь сидельцем на Колыме.

Сидор всё понял и сделал, как было велено. Уже вечером следующего дня с аттестатом в че- модане он сидел в плацкартном вагоне поезда

«Ростов — Москва» и воротиться в Ростов боле не загадывал. В Москве он поступил в профтехучилище, которое окончил с отличием. Затем в октябре 1984 года Сидор призвался в армию, и как пятеро друзей: Костян, Монгол, Стрела, Руст и Костёр, попал в группу «20А», направленную в учебку ТуркВО в Сурхандарье, где готовили в Афганистан.

Ночь шла на убыль, в больших окнах госпитальной палаты пробивались всполохи авроры. В палате, где лечились Сидор и Руст, врачи и медсёстры пользовались у раненых ящиками почётом. Будучи профессиональными военными, они были верны военной присяге и одновременно клятве Гиппократа. Военные табели о рангах и служебная субординация не мешали им оставаться милосердными. Вечерами в свободное время медики часто усаживались у больничных коек в обществе раненых, расспрашивали о планах на гражданке, рассказывали какую-нибудь историю или анекдот.

— Сидор! Спой нам песню «Здесь под небом чужим», — попросил его в вечерний час подсуевившийся с поиском гитары Руст, когда у их коек собрались раненые и к ним подседа дежурная медсестра Нина Полюшкевич.

Сидор провёл большим пальцем по струнам и, начав игру боем в ритме танго, надсадно запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

Здесь под небом чужим,
Под кабульской лазурью,
Слышны крики друзей,
Улетающих вдаль.

Ах, как хочется мне,
Заглянув в амбразуру,
Пулемётом глушить
По России печаль.

День и ночь безразлично
С боевым автоматом,
Пистолет под ремнем,
Как братишка родной.
Ах, как хочется здесь
Обложить землю матом,
Слезы радости лить
Над родимой землей.

Нас с «Зенитом» судьба
Очень крепко связала,
Нам в «Зените» друзей
Не забыть никогда.

Расплескали мы крови
По Кабулу немало,
И придется еще,
Коль возникнет нужда.

И, приехав домой,
Не забудь эти встречи,
Прилетев, не забудь,
Как вершили дела.

Не забудь всех друзей,
Не забудь ты их плечи,
Их поддержка тебе
Счастья в бой принесла.

Здесь под небом чужим,
Под кабульской лазурью,
Слышны крики друзей,
Улетающих вдаль.

Ах, как хочется мне,
Заглянув в амбразуру,
Пулемётом глушить
По России печаль.

Сидор допел. В это время к собравшимся раненым подошёл дежуривший по травматологическому отделению майор Теплов.

— Тукаев! — обратился он к Русту. — Послезавтра планируем тебя оперировать, готовься!

— Вот незадача, — пригорюнился Руст, — в аккурат послезавтра в госпиталь с концертом приезжает Иосиф Кобзон. А я буду отходить от наркоза.

— После операции необходим отдых, — резюмировал Теплов, — так что придётся пропустить! Сходишь на концерт Кобзона в Москве.

Но сущий огурства Руст остался при своих планах.

Между тем доброжелательная среда, царившая в палате, помогала раненым воинам преодолеть тяготы госпитальных будней. Они обсуждали предстоявшие им хирургические операции, а возвращение с них принимали устойчивый торжественно-комичный характер. Те, кому в ближайшие дни предстояло плановое оперативное вмешательство, загодя, в лясах с юмором, уведомлялись об ожидаемом от них концертном репертуаре. По заведённой традиции возвращение в палату больного, остававшегося ещё под действием анестезии, должно было проходить с исполнением им той или иной песни. Выезд же больного на операцию сопровождался подбадривающими выкриками, хлопаньем, стуком костылей и тростей об край кровати и свистом. Если по неопытности или забывчивости госпитальных запуск санитар нарушал неписанные правила и выкатывал каталку с раненым вперёд ногами, в мгновение со всех сторон в него летели, костыли, трости, судна, графины, попавшиеся под руку. О завершении операции сообщал доносившийся из коридора громко поющий голос. Песни советской эстрады смешивались с матерной бранью в адрес толкавших каталку санитаров. Больной въезжал в палату, как бусой барин с воскресной ярмарки. Экспромт разножанровых песен въехавшего в палату раненого обретал коллективную поддержку подпевавших, стебавшихся товарищей. Однако анестезия, фертильно питавшая талантом скромного в жизни парня, постепенно шла на убыль. На смену ей ступали ломка, депрессия и физическая боль.

В день выступления Иосифа Кобзона госпиталь находился в предвкушении большого культурного события. В его внутреннем двореке шли активные приготовления, была сооружена невысокая сцена, на которую разгружались музыкальные инструменты и звуковое оборудование. Руста успешно прооперировали. К вечеру действие наркоза тихо сошло на нет, и боль начала одолевать. Незирая на это за час до начала концерта, как о том просил Руст, Сидор выкатил с ним каталку и поставил вскарабкавшись на стулья напротив сцены, заняв лучшее для лежачих место. За час до начала концерта все места уже были заняты. От Руста наскоро выстроился ряд каталок с ранеными и стоявшими подле санитарями. Кому не хватило места, но позволяло здоровье забирались на архаичные платаны и были готовы смотреть концерт даже сквозь их кроны.

— Теплов идёт! — известил Сидор. — Сейчас погонит нас в палату.

— А мы не исполним! — вынес Руст. — Что он нам сделает?! На гауптвахту, что ли, от-правит?

Теплов сел на стул, который ему задолго насаживал санитар из травматологического отделения, и стал оглядываться по сторонам. Известие он заметил на расположенной поблизости каталке Руста и стоявшего подле Сидора. Руст целиком сосредоточился на сцену и игнорировал всё, что происходило вне её. Поэтому Теплову оставалось лишь пригрозить пойманному его каявший взгляд Сидору указательным пальцем. Заиграла музыка, и на сцену вышел Иосиф Кобзон. Он был в строгом белом костюме с бабочкой.

— Добрый вечер, уважаемые воины-интернационалисты и военные медики! Я сердечно рад выступить сегодня перед вами и передать вам большой привет с Родины. Вас любят и ждут! Возвращайтесь живыми! Первой песней в моей концертной программе будет «Бой гремел в окрестностях Кабула» на стихи и мелодию

Юрия Кирсанова.

Бой гремел в окрестностях Кабула,
Ночь сияла всплесками огня.
Не сломало нас и не согнуло,
Видно, люди крепче, чем броня.

Дипломаты мы не по призванию,
Нам милей, братишка, автомат,
Чёткие команды-приказания
И в кармане парочка гранат.

Вспомним, товарищ, мы Афганистан,
Зарево пожарищ, горный океан.
Эти передряги жизни и войны
Вспомним на просторах мирной тишины.

Вспомни с тобою, как мы шли в ночи,
Как от нас бежали в горы басмачи,
Как загрохотал твой грозный АКС...
Вспомним, товарищ, вспомним, наконец!

На костре в дыму трещали ветки,
В котелке варился крепкий чай.
Ты пришёл уставший из разведки,
Много пил и столько же молчал,

Синими замёрзшими руками
Протирал вспотевший автомат
И о чём-то думал временами,
Головой откинувшись назад...

Вспомним, товарищ, мы Афганистан,
Зарево пожарищ, горный океан.
Эти передряги жизни и войны
Вспомним на просторах мирной тишины.

Вспомни с тобою, как мы шли в ночи,
Как от нас бежали в горы басмачи,
Как загрохотал твой грозный АКС...
Вспомним, товарищ, вспомним, наконец!

Самолёт заходит на посадку,
Тяжело моторами дыша.
Он привёз патроны и взрывчатку,
Это для тебя и для меня.

Знайте же, ребята-мусульмане,
Ваша сила в том, что мы за вас.
И не нужно лишних трепыханий —
В бой ходить нам не в последний раз...

Вспомним, товарищ, мы Афганистан,
Зарево пожарищ, горный океан.
Эти передряги жизни и войны
Вспомним на просторах мирной тишины.

Вспомни с тобою, как мы шли в ночи,
Как от нас бежали в горы басмачи,
Как загрохотал твой грозный АКС...
Вспомним, товарищ, вспомним, наконец!

На следующее утро старшим в группе врачей при обходе был майор Теплов.

— Как вы себя чувствуете, Тукаев? — спросил он Руста, улыбаясь.

— Всё хорошо! — ответил Руст.

— Тукаев, у меня к вам деликатная просьба, — обратился Теплов и, поручив коллегам про- должить обход без него, продолжил: — Я пишу кандидатскую диссертацию по военно-полевой хирургии. Не возражаете, если я сфотографирую результаты своего труда с вашей дермапластикой?

Руст был огорошен, но в мгновение погасил сполох ущербности и с шуткой ответил:

— Раз надо, так надо! Чего не сделаешь во имя советской военно-полевой хирургии!

Утром Русту обработали раны, но не перевязали как обычно, а оставили открытыми, накрыв простынёю. Сидор очень удивился согласно Руста на фотосъёмку, и по его просьбе в условленное время, выкатил каталку с ним во внутренний двор госпиталя. Там их уже ожидал Теплов, безотложно приступивший с разных ракурсов делать снимки. Русту стало не по себе. Но где-то на подсознательном уровне он понимал: разрешение на фотосъёмку его разорванного тела — первое волевое преодоление. Стать полноценным человеком он сможет, лишь победив комплекс своего физического недуга.

— Товарищ майор, — обратился Руст к Теплому, когда тот уже закончил, — дайте мне ваш адрес в Москве. Я непременно вас навещу и приглашу на плов.

— Хорошо! — согласился Теплов. — Я передам вам его завтра во время обхода.

Но в душе Теплов всё же сильно сомневался, что Руст к нему придет. За два года службы в кабульском госпитале через его руки прошло много раненых, но жизнь на гражданке благоволила к скорейшему забвению пережитого в госпитале. Вместе с тем для многих воинов, долгое время не встававших с больничных коек, дородными воспоминаниями остались минуты, когда, обессилевшие, но крепкие волей, они поднимались. За шагом шаг, побеждая боль и немощность, опираясь на костыли или хрупкие плечи медсестёр, заново учились ходить, приближая своё возвращение домой. Спустя недели или месяцы за их спинами оставался приснопамятный кабульский госпиталь, его священное братство, где в забыты от случившегося они были лишь на подступе к точке невозврата. Не гремел ещё последний бой, не звучал роковой щелчок мины, не вылетала из БУРа зловещая пуля. Не парадным коридором, а грузом-300 на борту Ил-76 «МД-Скальпель» в назначенный срок лежавшие на носилках, укрытые солдатскими шинелями Сидор и Руст в крайний раз поднялись в афганское небо и, взяв курс к родным зарницам, полетели на встречу своей судьбе. Сражённым, но не поверженным, прошедшим коридорами афганских госпиталей, впереди им предстояли иные испытания — развенчанная идеалы страна, чуждая их ценностям среда, где, повторно сражённые, они были обмануты, отвергнуты и забыты.